

- Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

УДК 316.752

Великая Отечественная война в социальных представлениях российской молодежи: роль семьи в гуманизации прошлого

Маргарита Сергеевна Астоянц¹

The Great Patriotic War in the Social Representations of Russian Youth: Role of the Family in the Humanization of the Past

Margarita S. Astoyants¹

¹ Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

¹ Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

доктор социологических наук, доцент, заведующий

Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department

 0000-0002-0373-7484. E-mail: mastoyanc[at]sfedu.ru

Аннотация. В статье анализируются социальные представления современной российской молодежи о Великой Отечественной войне. Актуальность исследования обусловлена постепенным угасанием коммуникативной памяти в связи с уходом поколений, имевших непосредственный опыт войны, и одновременной актуализацией исторической памяти в публичном дискурсе. Теоретической основой исследования выступил социально-конструктивистский подход, объединяющий теорию социальных представлений (С. Московичи) и теорию социальных рамок памяти (М. Хальбвакс). На основе материалов 5 фокус-групп и 21 глубинного интервью показано, что в представлениях молодых людей выстраивается четкая иерархия доверия к агентам памяти, где семья, в отличие от государственных институтов и медиа, наделяется статусом основного источника подлинности. Централь-

ным результатом является выявление механизма «гуманизации» прошлого, ключевым агентом которого выступает семья. Семейные нарративы, фокусирующиеся на личном опыте, трагическом измерении события и сложных моральных выборах, позволяют молодым людям усложнять монументальный образ героя, обогащая его фигурой выжившего. Сделан вывод, что именно ценностные установки, сформированные в семье, становятся основой для рефлексивного отношения молодежи к современным коммеморативным практикам с их героико-монументальной эстетикой. Семейная память предстает как ключевой институт, сохраняющий сложную и многомерную версию прошлого в противовес тенденциям к его упрощению и ритуализации.

Ключевые слова: коллективная память, Великая Отечественная война, социальные представления, семейная память, гуманизация прошлого, молодежь, коммеморативные практики

Для цитирования: Астоянц М. С. Великая Отечественная война в социальных представлениях российской молодежи: роль семьи в гуманизации прошлого // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2025. № 3. С. 60–72. DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-60-72

Abstract. The article analyzes social representations of the Great Patriotic War among modern Russian youth. The study's relevance stems from the fading of communicative memory as the witness generation departs, alongside the increasing actualization of the historical memory in public discourse. Based on 5 focus groups and 21 in-depth interviews, and drawing on the theories of social representations (S. Moscovici) and social frames of memory (M. Halbwachs), the research identifies a clear hierarchy of trust in memory agents. The family emerges as the primary source of authenticity for young people, distinct from state institutions and the media. The central finding is the mechanism of "humanization of the past", driven by the family. By focusing on personal experience, the tragic dimension of the event, and complex moral choices, family narratives enrich the monumental hero image with the figure of the "survivor." The article concludes that value attitudes formed within the family foster a reflexive attitude towards modern commemorative practices with their heroic-monumental aesthetics. Family memory thus acts as the key institution preserving complex and multidimensional version of the past against simplification and ritualization.

Keywords: collective memory, Great Patriotic War, social representations, family memory, humanization of the past, youth, commemorative practices

For citation: Astoyants M. S. The Great Patriotic War in the Social Representations of Russian Youth: Role of the Family in the Humanization of the Past. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*. 2025. No. 3. Pp. 60–72. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2025-3-35-60-72

1. Введение

Память о Великой Отечественной войне является центральным элементом современной российской национальной идентичности и ключевым ресурсом для поддержания социального единства. В публичном пространстве она представлена преимущественно в форме героического и монументального нарратива, активно транслируемого государственными институтами, в первую очередь через систему образования и офици-

альные коммеморативные практики. Однако, как отмечают ведущие отечественные социологи, за рамками этого канонического образа остаются неоднозначные, трагические и многоплановые аспекты события [Тощенко 2020: 20-29].

Актуальность социологического анализа представлений о войне сегодня обусловлена двумя ключевыми процессами. Во-первых, происходит смена поколений и уход последних прямых свидетелей, что ведет к неизбежной трансформации коммуникативной памяти, основанной на личном опыте, в опосредованную, культурную [Ассман 2014: 45-51]. Во-вторых, наблюдается повышенное внимание со стороны государственных институтов к вопросам исторической памяти, которая рассматривается как важный фактор национальной консолидации [Миллер 2012: 345-347]. В современной российской науке память о Великой Отечественной войне, действительно, активно анализируется именно как ключевой фактор консолидации полиэтничного общества, а основной акцент в научном дискурсе делается на единстве и сплоченности народов [Гриценко 2021: 168].

В этих условиях возникает ключевой исследовательский вопрос: какие социальные механизмы в современном российском обществе позволяют сохранять сложный и многомерный образ войны на фоне тенденций к его упрощению и ритуализации? Данная статья отвечает на этот вопрос посредством анализа представлений молодого поколения россиян, чье отношение к войне сформировалось исключительно на основе опосредованной памяти.

Основной тезис исследования заключается в том, что, несмотря на ослабление межпоколенческих связей, ключевым социальным институтом, обеспечивающим сохранение сложной, гуманизированной версии прошлого, продолжает оставаться семья. Мы предполагаем, что семейная память в представлениях молодых россиян функционирует не столько как простое хранилище частных воспоминаний, сколько как активная морально-этическая рамка, предоставляющая молодому поколению ресурсы для критического осмыслиения, усложнения и персонализации официальной версии истории.

2. Теоретические основания и методология анализа

Цель данной статьи — определить роль и функции семейной памяти в процессе конструирования представлений о Великой Отечественной войне у молодых россиян. Для достижения этой цели логика нашего анализа будет выстроена в три последовательных шага. Во-первых, мы охарактеризуем специфику семейной рамки памяти в сравнении с государственной и медийной, определив ее место в иерархии доверия у молодежи. Во-вторых, мы раскроем содержание процесса «гуманизации» прошлого, изучив, как семейные нарративы усложняют, персонализируют и наполняют трагическим содержанием канонический образ войны. Наконец, в-третьих, мы покажем, как опора на ценности, транслируемые в семье,

становится основой для критического восприятия молодежью современных коммеморативных практик.

Теоретико-методологической основой исследования выступает социально-конструктивистский подход, объединяющий две комплементарные концепции: теорию коллективной памяти и теорию социальных представлений. Согласно теории социальных представлений, разработанной Сержем Московичи, общество производит коллективные формы познания — «теории здравого смысла», которые позволяют индивидам осмысливать и интерпретировать окружающую их реальность [Московичи 1995]. Память о таком значимом событии, как Великая Отечественная война, функционирует в современном обществе именно как система социальных представлений — разделяемых образов, идей и ценностей, формируемых в процессе коммуникации.

В свою очередь теория коллективной памяти, заложенная Морисом Хальбваксом, позволяет проанализировать, в каких именно «социальных рамках» происходит конструирование и трансляция этих представлений. Согласно его подходу, память не является индивидуальным психологическим феноменом, а конструируется и поддерживается в «социальных рамках» — внутри определенных групп, которые предоставляют индивиду язык, ценности и схемы для воспоминаний [Хальбвакс 2007]. Вслед за ним мы выделяем три ключевые рамки, формирующие представления о войне: государственную, медийную и семейную.

Наше исследование выполнено в русле обширной традиции изучения памяти о войне в отечественном социально-гуманитарном знании. Современные российские исследования подтверждают, что память молодежи о войне формируется именно во взаимодействии этих трех институтов [Ивченков и др. 2021: 126]. При этом многие авторы фиксируют нарастающий кризис межпоколенческой трансляции. Так, О. Н. Сенюткина подчеркивает, что по мере ухода поколения свидетелей возникает острая необходимость в поиске новых, методологически обоснованных подходов к сохранению исторической памяти [Сенюткина 2020: 214]. Исследования И. А. Грошевой и соавторов эмпирически подтверждают этот разрыв, отмечая, что молодое поколение дистанцируется от обсуждения военных событий с родственниками, что ведет к возникновению потенциального отчуждения между поколениями [Грошева и др. 2020: 45]. Этот парадокс — ослабление коммуникации при сохранении высокого статуса семьи как источника доверия — и делает анализ семейной рамки особенно актуальным. П. В. Фадеев также указывает на фрагментарность и политизированность исторических знаний россиян, что, по его мнению, свидетельствует о кризисе традиционных институтов трансляции исторической памяти, таких как школа и семья [Фадеев 2021: 41].

На фоне ослабления межпоколенческой коммуникации и фрагментации знаний возрастает значимость вопроса о доверии к различным институтам памяти. Современные исследования фиксируют сложность и неоднозначность социальных представлений молодежи в этой сфере.

Так, отмечается сосуществование патриотических настроений, связанных с позитивным образом Родины / Отечества, и более сдержанного отношения к государственным институтам как таковым. Г. С. Степанова, анализируя социальные представления молодежи, показывает, что в их сознании понятия «Родина» и «Государство» не являются тождественными: первое вызывает преимущественно положительные ассоциации, в то время как второе может восприниматься с определенной долей дистанции [Степанова 2020: 139–140].

Эта дифференциация в восприятии проецируется и на отношение к памяти о Великой Отечественной войне. Молодежь, как правило, признает высокую ценность этого события как неотъемлемой части истории страны. Вместе с тем сложное отношение к официальным институтам как трансляторам этой памяти может приводить к неоднозначности и вариативности в индивидуальных оценках. Эта тенденция находит подтверждение в исследовании С. Д. Лебедева и соавторов, которое выявило, что наряду с большинством студентов, демонстрирующих позитивное отношение к событиям войны, существует значительная доля «колеблющихся в оценках», что свидетельствует об отсутствии гомогенного и непротиворечивого взгляда [Лебедев и др. 2020: 15]. Эта неоднозначность в восприятии институциональных рамок памяти актуализирует значимость семейных нарративов как основного источника подлинности.

Для концептуализации специфики семейной памяти мы обращаемся к идеям Алейды Ассман о разграничении «культурной» и «коммуникативной» памяти [Ассман 2014: 45–51], а также к концепции «постпамяти» Марианны Хирш [Hirsch 2012: 5]. Семейная память предстает как основной носитель коммуникативной постпамяти — эмоционально заряженных, фрагментарных и глубоко личных историй, унаследованных от предыдущих поколений.

Исходя из данной теоретической рамки, мы можем сформулировать центральный тезис статьи: в условиях кризиса доверия к официальным институтам и ослабления межпоколенческих связей именно семейная рамка, как носитель коммуникативной постпамяти, предоставляет молодым россиянам морально-этические ресурсы для процесса «гуманизации» культурной памяти о войне, транслируемой государством.

Эмпирической базой исследования послужили материалы, собранные в марте-апреле 2025 г. Был применен комплекс качественных методов: проведено 5 фокус-групповых интервью со студентами и учащимися лицея (N=35) и 21 глубинное интервью с представителями студенческой и работающей молодежи в возрасте от 16 до 35 лет. Выборка формировалась методом «снежного кома» с целевыми критериями (возраст, наличие высшего образования или обучение в вузе). Нами был проведен тематический анализ [Braun, Clarke 2006: 87–93] транскриптов интервью. Процедура анализа носила индуктивный характер и опиралась на принципы обоснованной теории (grounded theory) [Charmaz 2006: 2–3], что позволило не накладывать на заранее заданные категории, а выявлять темы и

концепции, возникающие непосредственно из нарративов самих респондентов.

3. Иерархия рамок памяти: доминирование и эрозия семейного нарратива

В представлениях молодых россиян социальные рамки памяти выстраиваются в четкую иерархию, в основе которой лежит критерий доверия и воспринимаемой аутентичности. В этой иерархии институциональные рамки, транслируемые государством и медиа, уступают первенство семейной памяти. Их содержание не всегда принимается на веру и может подвергаться критической рефлексии, в то время как семейная память наделяется наиболее высоким авторитетом.

Государственная рамка, формируемая в первую очередь через систему образования, предоставляет респондентам основной фактологический «каркас» для разговора о войне: хронологию, ключевые события, имена. Однако попытки государства сформировать ценностное отношение к прошлому не всегда находят ожидаемый отклик. У респондентов возникает дистанцирование от тех практик, которые воспринимаются как излишне формализованные и директивные. Обязательное участие в ритуалах и уроках памяти, лишенное личной мотивации, воспринимается как внешняя повинность, что препятствует формированию глубокой эмоциональной связи с событием:

«Ну, я считаю, что нужно помнить... но без какого-то фанатизма, особенно когда школьников прям заставляют, вынуждают. Все должно идти добровольно...» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 20 лет, студентка].

Еще большее недоверие вызывают современные медиа. Если советский кинематограф в представлениях молодежи все еще сохраняет статус канонического источника, то современные СМИ и популярные формы коммеморации часто воспринимаются как инструмент политической манипуляции, коммерциализации и профанации памяти. Респонденты демонстрируют высокий уровень медиаграмотности, критически оценивая подобные практики. Они указывают на неискренность и формальный характер современных мероприятий, что подрывает доверие к ним как к источнику подлинной памяти:

«Не знаю, как это, наверное, транслируется в СМИ, как это преподносится, как это начинает навязываться очень сильно именно всякими организациями новыми, как это... выглядит не очень искренне...» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 24 года, работает].

На фоне этого институционального недоверия семья в нарративах респондентов предстает как основной, а порой и единственный носитель «подлинной» памяти. Семейная память, как отмечает Л. Ю. Логунова, играет ключевую роль в передаче социокультурного опыта и формировании идентичности [Логунова 2011: 6]. Наши данные подтверждают, что семейные истории воспринимаются как наиболее достоверные, поскольку они передают не идеологию, а личный человеческий опыт. Доверие к

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

ним настолько высоко, что они способны корректировать или даже опровергать официальные исторические версии.

Однако, наделяя семью высоким статусом доверия, респонденты одновременно фиксируют процесс ослабления этого канала трансляции. Наши данные, подтверждающие выводы других исследователей [Кабытов и др. 2020: 488], показывают, что этот «разрыв памяти» проявляется на нескольких уровнях.

Во-первых, это фрагментарность знаний. Даже у тех, кто заявляет о наличии воевавших предков, знания об этой части семейной истории часто носят поверхностный и обрывочный характер. Молодые люди могут не знать имен, мест службы или конкретных фактов биографии:

«Конечно, были участники Великой Отечественной войны у меня в семье. Это мой прадедушка, который точно так же принимал, естественно, непосредственно свое участие, вносил какую-то, играл роль» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 21 год, работает];

«Мне крайне неловко, потому что я очень плохо знаю историю своей семьи. <...> у нас не было вот этих семейных уз» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 21 год, студентка].

Эта фрагментарность особенно заметна у младшей когорты респондентов (до 18 лет), что говорит об усугублении проблемы с каждым новым поколением.

Во-вторых, наблюдается угасание материальной памяти. Семейные реликвии — фотографии, награды, письма — являются важными элементами, объективирующими воспоминания. Однако респонденты отмечают, что таких реликвий в семье не сохранилось, либо интерес к ним носит, скорее, ситуативный, чем системный характер. Зачастую они хранятся у старших родственников, и молодежь видит их лишь изредка:

«Да, фотографии хранятся и награды хранятся. С фронта точно есть пару фотографий, ... я видел их пару-тройку раз и все...» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 21 год, работает];

«Остались только фотографии деда, в том числе военные. Смотрим редко. В детстве носил в школу на какие-то мероприятия...» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 35 лет, работает].

Даже при наличии реликвий не возникает практики их совместного изучения; ни один из респондентов не упомянул об оцифровке архивов или целенаправленной передаче этих знаний своим детям.

В-третьих, трансформируются коммеморативные семейные ритуалы. Если в школьные годы участие в публичных акциях (парады, «Бессмертный полк») было более активным, то у студенческой и работающей молодежи оно часто сменяется пассивными, медиатизированными формами:

«Посещал, но в основном в детстве, в детские годы да, когда мне было лет 7–8–10... теперь стали просто смотреть по телевизору» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 31 лет, работает];

«Обычно это проходило так, что вначале мы включаем телевизор и все вместе смотрим парад Победы. Меня к этому приучали еще с малых лет...» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 19 лет, студентка].

Традиция совместного просмотра военных фильмов, характерная для старшего поколения, также упоминается лишь изредка.

Таким образом, семейная рамка памяти находится в амбивалентном состоянии. С одной стороны, она остается для молодежи основным источником доверия и моральным ориентиром. С другой — ее содержание и каналы трансляции подвержены эрозии. Именно этот высокий статус на фоне прогрессирующего ослабления и делает семейную память ключевым объектом для анализа, так как в ней сохраняются те сложные и гуманизированные версии прошлого, которые вытесняются из других социальных рамок.

4. Механизм гуманизации: усложнение исторического нарратива в семейной памяти

Обладая высоким статусом доверия, семейная память становится для молодых россиян не просто хранилищем информации, а активным инструментом для интеллектуальной и этической работы с прошлым. Ее ключевая функция заключается в «гуманизации» — процессе, в ходе которого монументальный, обезличенный нарратив о войне, усвоенный из институциональных источников, усложняется, персонализируется и наполняется человеческим содержанием. Этот механизм работает в нескольких направлениях.

Во-первых, семейная память обеспечивает персонализацию истории, смещая фокус с макрособытий на микроуровень человеческой судьбы. В отличие от учебника, оперирующего масштабами армий и фронтов, семейный рассказ всегда повествует о конкретном человеке. Имена, места службы, детали биографии, даже если они фрагментарны, превращают абстрактного «солдата-победителя» в «моего прадеда Петра Михайловича», делая историю частью личной идентичности:

«По отцовской линии у меня был дед, Петр Михайлович. В конце войны, когда мы взяли Берлин, русский народ взял, а он воевал на корабле с Японией <...>. ... и по маминой линии прадед — он был танкистом» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 20 лет, студент];

«В моей семье есть участник, значимый участник для нашей семьи <...>. Это дедушка моей мамы, мой прадед Пашков Михаил Степанович. Он родился в Севастопольском крае, в селе Красногвардейском, где и родилась я» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 19 лет, студентка].

Одновременно с персонализацией происходит акцентирование трагического измерения войны. Если официальный нарратив тяготеет к триумфальному пафосу, то в семейной памяти доминируют мотивы страдания, потерь и высокой цены, заплаченной за Победу. Даже те респонденты, чьи предки не были на фронте, унаследовали память о войне как о тотальной травме, пронизывавшей все аспекты жизни, в первую очередь — через память о голоде.

«И она [прабабушка] не рассказывала про какие-то события на фронте, потому что она была маленькая и жила в Сибири. <...> но при этом я

отчетливо помню, что она всегда говорила именно об ужасном голоде» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 22 года, студентка].

В этом контексте само событие Победы в семейной традиции часто воспринимается не только как повод для ликования, но и как день скорби, что создает смысловой диссонанс с некоторыми современными коммеморативными практиками.

Во-вторых, семейные нарративы вводят в картину войны моральную неоднозначность, разрушая простую дилемму «герой – предатель». Канонический образ героя, готового без колебаний отдать жизнь за Родину, в семейных историях усложняется трагической и многогранной фигурой «выжившего». Это человек, который сталкивался со страхом, нечеловеческими условиями и принимал сложные решения, не всегда вписывающиеся в героическую рамку. Семейные истории полны таких сюжетов о спасении через хитрость, о вынужденной работе на оккупантов или о преодолении ужасов плены:

«Один из дедов... попал в концлагерь, оттуда чудом выбрался и сменив одну букву в фамилии... каким-то чудом вышел» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 19 лет, студент];

«И мне рассказывал дедушка, что его отец... просто продолжал работать [машинистом], но уже на немецких захватчиков. То есть там, грубо говоря, под угрозой расстрела, ему ничего не оставалось» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 18 лет, студент].

Эти истории не отменяют подвига, но показывают, что пространство войны было не только полем боя, но и пространством выживания, где моральные выборы были гораздо сложнее, чем это представлено в официальной истории.

Наконец, в некоторых случаях семейная память становится носителем того, что в «memory studies» принято называть «контр-памятью». Речь идет о воспоминаниях, которые не просто дополняют, а вводят в исторический контекст сюжеты, находящиеся за рамками канонической версии прошлого, построенной на идее всенародного единства. В первую очередь это касается памяти о трагических страницах истории 1930-х гг. Включение этих сюжетов в рассказ о войне существенно усложняет его структуру, показывая, что семейная история некоторых респондентов хранит память о трагических событиях, связанных не только с внешней агрессией, но и с внутренними политическими процессами того времени:

«И по материнской и по отцовской линии <...> мои прабабушки, прадедушки по материнской линии были репрессированы, дедушки находился в Ярославле в так называемой шарашке» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 27 лет, работает].

Такие нарративы, чаще встречающиеся у респондентов из старшей возрастной группы (работающей молодежи), свидетельствуют о более глубокой рефлексии и способности интегрировать в личную историю сложные и противоречивые пластины прошлого.

Таким образом, механизм гуманизации, работающий через семейную рамку, выполняет важнейшую социокультурную функцию. Он не позво-

ляет исторической памяти превратиться в застывший, безличный и одномерный конструкт. Обогащая официальную историю личным опытом, трагическим содержанием и моральной сложностью, семейная память сохраняет ее живой, многомерной и по-настоящему значимой для новых поколений.

5. Критическое осмысление коммеморативных практик

Процесс гуманизации прошлого, укорененный в семейной памяти, не остается чисто рефлексивным актом, а напрямую влияет на то, как молодые россияне воспринимают и оценивают современные публичные формы коммеморации. Наши данные показывают, что именно опора на семейные нарративы, акцентирующие трагизм и человеческую цену войны, становится основой для критического дистанцирования от некоторых официальных и популярных ритуалов. В этой точке мы можем наблюдать сложное взаимодействие двух различных коммеморативных эстетик. С одной стороны, это «эстетика скорби», укорененная в семейной памяти о цене победы, с другой — «героико-монументальная эстетика», доминирующая в публичном пространстве и акцентирующая триумф. В представлениях молодых людей эти две эстетики не столько противостоят друг другу, сколько сосуществуют, порождая то самое амбивалентное отношение к празднику, о котором говорят респонденты, где гордость за победу неразрывно связана с грустью и скорбью по погибшим:

«Чувства вызывают смешанные. Гордость, радость, печаль» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 34 года, работает];

«...у меня вызывает больше и гордость, и грусть. Потому что, да, на самом деле грустно, потому что столько людей пострадало...» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 20 лет, студент].

Именно эта сформированная в семье установка на восприятие войны как трагедии и порождает критическое отношение к тем коммеморативным практикам, которые, по мнению молодежи, игнорируют или приглушают это измерение. Негативную реакцию вызывают формы, которые респонденты интерпретируют как профанацию, неуместную коммерциализацию или демонстрацию воинственности:

«...не люблю, что на машинах любят наклейки клеить, типа, может, повторим. (...) Ты хочешь повторить тот кошмар, который происходил?» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 21 год, студентка].

Респонденты отмечают смещение акцента в публичных ритуалах с памяти о людях на демонстрацию государственной мощи, что также вызывает у них внутренний диссонанс:

«...они [парады] как будто из зданий памяти превращались больше в демонстрацию силы» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 22 года, студентка].

Особенно показателен пример ритуала «Бессмертного полка». Задуманный как глубоко личный акт семейной памяти, в восприятии молодежи он часто предстает как формализованное, «обязательное» мероприятие, особенно в контексте школьного участия:

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

«В школе устраивали бессмертный полк, вот, и мы всегда шли» [ИСиР ЮФУ 2025: жен., 18 лет, студентка];

«Мой класс был казачьей направленности, и мы постоянно участвовали в местном нашем станичном параде Победы, были всячески задействованы» [ИСиР ЮФУ 2025: муж., 19 лет, студент].

Такое организованное участие, лишенное личного порыва, снижает ценность ритуала в глазах молодых людей и превращает его в еще одну формальную обязанность, аналогичную школьным урокам.

Таким образом, семейная память выполняет функцию морально-этического фильтра. Она формирует у молодого поколения определенные критерии «подлинности» и «уместности» в разговоре о войне. Практики, которые соответствуют этим критериям (например, просмотр старых советских фильмов о Великой Отечественной войне или возложение цветов), принимаются. Те же, что воспринимаются как неискренние, чрезмерно пафосные или агрессивные, вызывают критику и отторжение. Это демонстрирует, что семейная рамка не просто существует с государственной, но и активно влияет на ее восприятие, позволяя индивиду занимать рефлексивную и оценочную позицию.

6. Заключение

Социальные представления о Великой Отечественной войне у современной российской молодежи представляют собой сложный, многоуровневый конструкт. Результаты проведенного исследования показали, что в условиях ослабления прямых каналов межпоколенческой трансляции именно семейная память становится ключевым институтом сохранения гуманизированной версии прошлого. Память о войне формируется вialectическом взаимодействии трех основных социальных рамок — государственной, медийной и семейной, — которые выстраиваются в сознании молодых людей в четкую иерархию доверия.

Особый статус семейной памяти является центральным феноменом, выявленным в ходе исследования. В отличие от государственной рамки, представляющей фактологический каркас, но часто воспринимаемой как излишне формализованная, и медийной, вызывающей критику за манипулятивность, семья функционирует для молодежи как основной маркер подлинности исторического опыта. Высокий кредит доверия к семейным нарративам позволяет им выступать в качестве активной морально-этической рамки.

Ключевая функция этой рамки заключается в запуске процесса «гуманизации» прошлого. Семейные истории не столько опровергают официальную версию, сколько усложняют и дополняют ее через персонализацию, акцентирование трагического измерения войны и введение моральной неоднозначности. Монументальный образ героя в представлениях молодежи обогащается многогранной фигурой выжившего, а идея государственного триумфа обретает глубину через призму личной скорби.

Результат этого процесса гуманизации проявляется в критическом осмыслении молодежью современных коммеморативных практик. Опи-

ряясь на ценности, транслируемые в семье, респонденты выражают не-приятие тех форм коммеморации, которые они воспринимают как профанацию или неуместную демонстрацию воинственности. Семейная память формирует у них рефлексивную позицию по отношению к публичному дискурсу о войне.

Таким образом, коллективная память о Великой Отечественной войне у современного молодого поколения россиян представляет собой сложное поле, характеризующееся одновременным существованием официального, монументального канона и личной, гуманизированной и зачастую противоречивой версии прошлого. Именно семейная память выполняет важнейшую социокультурную функцию, препятствуя окончательной ритуализации и упрощению исторического сознания. Изучение этого взаимодействия позволяет глубже понять не только механизмы работы памяти, но и ценностные основания, на которых молодежь выстраивает свое отношение к историческому прошлому.

Источники

ИСиР ЮФУ 2025 — Материалы качественного социологического исследования «Великая Отечественная война в социальных представлениях современной российской молодежи», проведенного коллективом исследователей Института социологии и регионоведения Южного федерального университета в марте-апреле 2025 г. Эмпирическая база: 5 фокус-групповых интервью (N=35), 21 глубинное интервью (N=21). Архив ИСиР ЮФУ.

Литература

Ассман 2014 — Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Гриценко 2021 — Гриценко Г. Д. Память о Великой Отечественной войне как фактор консолидации российского полигэтнического общества // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 156–172. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-2-18-156-172

Грошева и др. 2020 — Грошева И. А., Грошев И. Л., Грошева Л. И. Коллективная память студенческой молодежи в эпоху постмодерна // Siberian Socium. 2020. Т. 4. № 3(13). С. 33–48. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-3-33-48

Ивченков и др. 2021 — Ивченков С. Г., Никифоров Я. А., Ситникова С. В. Социальная память о Великой Отечественной войне в поколенческом ракурсе (кейс Саратовской области) // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 125–136. DOI: 10.31857/S013216250014473-3

Кабытов и др. 2020 — Кабытов П. С., Кабытова Н. Н., Баринова Е. П. Семейные истории о Великой Отечественной войне: специфика исторических источников // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20. Вып. 4. С. 482–489. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-4-482-489

Лебедев и др. 2020 — Лебедев С. Д., Шаповалова И. С., Рощупкина Н. А., Шкапенко А. А. Социальная травма и ценности поколений: Великая Отечественная война в исторической памяти студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6. № 2. С. 3–18. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-2-0-1

• Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН •

- Логунова 2011 — *Логунова Л. Ю.* Семейно-родовая память как социальный феномен. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. 227 с.
- Миллер 2012 — *Миллер А. И.* Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 328–367.
- Московичи 1995 — *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 1. С. 3–18.
- Сенюткина 2020 — *Сенюткина О. Н.* Рецензия на монографию «Спасибо прадеду за Победу...». Материалы IV этапа мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 4. С. 212–218. DOI: 10.19181/vis.2020.11.4.686
- Степанова 2020 — *Степанова Г. С.* Содержание социальных представлений о государстве и отечестве у современной молодежи как проявление патриотизма // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 4 (94). Ч. 2. С. 138–141. DOI: 10.23670/IRJ.2020.94.4.046
- Тощенко 2020 — *Тощенко Ж. Т.* Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 20–29. DOI: 10.31857/S013216250009444-7
- Фадеев 2021 — *Фадеев П. В.* Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 36–54. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710.
- Хальбвакс 2007 — *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Braun, Clarke 2006 — *Braun V, Clarke V.* Using thematic analysis in psychology. Qualitative Research in Psychology. 2006. Vol. 3. No. 2. Pp. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa
- Charmaz 2006 — *Charmaz K.* Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis. London: Sage Publications, 2006. 288 p.
- Hirsch 2012 — *Hirsch M.* The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. New York: Columbia University Press, 2012. 320 p.